

18+

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ

АНТОЛОГИЯ СТИХА И МЕТАСТИХА

**Богдан Тургайский
Валерия Бурасова
Евгений Белоногов
Евгений Морковин
Милана Мамонова
Михаил Богородцкий
Рустам Ищанов(df)
Тамерлан Ищанов
Татьяна Щербинина**

Неизведанная земля.

Антология стиха и метастиха

<https://litres.ru/74253358>

ISBN 9785007045797

Аннотация

«Неизведанная земля: Антология стиха и метастиха».

В книге — девять авторов с абсолютно разной оптикой. Нас не объединяет общий стиль или идеология.

Скорее, это точка соприкосновения автономных профессионалов, которым есть что сказать на языке формы.

Здесь классическая форма соседствует с гранжем, а метафизика — с бытом.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ: антология стиха и метастиха	6
Рустам Ищанов: Хроники Монолита	8
Доисторический бред	10
Малиновый звон	15
Мелос	17
Прибой	20
Пейзажи с наводнениями	22
Местами солнечно	24
Рунический орнамент (Балбал)	25
Курган памяти (Воск)	28
Шахта лифта (Бетон и чернозём)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Неизведанная земля

Антология стиха

и метастиха

Авторы: Рустам Ищанов(df), Щербинина Татьяна, Белоногов Евгений, Морковин Евгений, Богородцкий Михаил, Тургайский Богдан, Мамонова Милана, Бурасова Валерия, Ищанов Тамерлан

Составитель, редактор, автор идеи Рустам Жаксылыкович Ищанов

- © Рустам Ищанов(df), 2026
- © Татьяна Щербинина, 2026
- © Евгений Белоногов, 2026
- © Евгений Морковин, 2026
- © Михаил Богородцкий, 2026
- © Богдан Тургайский, 2026
- © Милана Мамонова, 2026
- © Валерия Бурасова, 2026
- © Тамерлан Ищанов, 2026

ISBN 978-5-0070-4579-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕИЗВЕДАННАЯ ЗЕМЛЯ:

антология стиха и метастиха

Этот сборник фиксирует звук, рожденный в разломах между Костанаем, Норильском, Алматы и Питером. Пока официальные площадки работают с проверенной классикой, а массовая культура ищет легкие и модные формы, задача данного проекта — собирать живую речь.

Проект «Неизведанная Земля» — это не школа и не идеологическая группа.

Это точка соприкосновения разных автономий. Здесь академическая дистанция соседствует с уличным гранжем, а метафизика — с бытом. Авторы не объединяет общая манера письма или единый жанр; напротив, задача сборника — показать диапазон и контрастность поэтического инструментария.

Внутри сборника классические формы сосуществуют с экспериментальными текстами, потому что единственным критерием отбора стала не стилистика, а внутренняя необходимость высказывания.

В основе концепции, наряду с уже известными всем формами, лежит метод метастиха. Это не жанр, а способ существования текста в условиях перегруженного сознания, когда привычные ритмы уже не справляются с фиксацией ре-

альности.

Проект объединяет тех, кто предпочитает живой процесс вместо имитации и готов возвращать речи её физический вес.

Нулевой выпуск — это фиксация разлома, через который проходит настоящее. Это возможность увидеть, как через разные оптики, стили и ритмы проявляется красота и сложность актуального слова.

Рустам Ищанов: Хроники Монолита

Рустам Жаксылыкович Ищанов (df)

Костанай, Казахстан

Родился в 2000 году. Пишет с 2018 года. Автор более 650 поэтических текстов на русском, казахском и английском языках, а также эссе и произведений малой прозы. В 2025 году опубликовал итоговый сборник раннего периода — «Tristeza: Наскальная живопись».

Метод и поэтика:

Создатель метастиха — авторской системы, работающей на стыке силлабо-тоники, гетероморфного стиха, метастихо-прозы и эссеистического гибрида. Центральный принцип — ответственность формы и поиск точного языка для фиксации кризисных состояний современности.

Тематика:

- Метафизика и экзистенциальный опыт.
- Кризис идентичности.
- Память и отчуждение.
- Поэзия пути и движения вне литературных школ.

Внутри проекта:

Автор идеи сборника, основатель и руководитель литературного синдиката «Неизведанная Земля» (Terra Incognita),

формирующий концептуальную ось антологии и линию метастиха.

Доисторический бред

Вольный метастих

I.

Будут ещё светлые дни;
Будем объедками сыты, прими
Дар, оставленный предками.
Так же ведь, в такт, растворяться
Обыденной ношей —
Всё замерло
В складках ума и форзаца,
В момент перекошенный.

II.

Синее, синее дно
На дне дна. Круглые сутки огни ли...
Пламя костра дугой отлегло;
Радуга в небе — одни мы.
Тление тел — первобытный скачок
В лужу реэволюций.
Бдением в небо — дверной зрачок
К письмам
«De Ira» Луция...*

III.

Доисторический бред;
Всё, что в моменте, — памфлет,
Аллитерация сказок.
Впредь нам не нужно указок.
Падалью падал ли снег?
Песнями сложим побег
Из захудалого склепа
С местом для зрелищ и хлеба.

IV.

Красочный слой перебежки;
Нет ли возможности к слежке?
За первородными сплетнями —
В духе «Евгений-Онегина».
Так же и мы вечерами
Пишем абсурдные письма
Тем, кто отныне не с нами,
В свете дурных эвфемизмов.

V.

Громоотвод...

Громоотвод на поле
Среди вод —

Не снизойдёт ли
Наше счастье разом?
Представь себе
Такой чудной
Маразм, —
Что нету грома,
Лишь громоотвод.

Стоическая мудрость
Завещала:
Пусть тонет судно
Среди синих вод, —
Мы будем строить
Этот мир сначала:
Громоотвод,
Громоотвод,
Громоотвод!

Громоотвод
Отчаянного неба,
Громоотвод
Отчаянного солнца!
Культурной маски
Дикий слепок
Пробудет мёртвым
Или же загнётся.

Местами — грозы.

VI.

Градус небес
Поджарен ошмётками
Вирусных частиц.
Мы никогда не поймём
Миги человеческих лиц,
Как пресловутый «ботаник»
Пишет стихи для девиц.
Я с удивлением
Гляжу в пролёт лестниц
Или же вниз.

*

Как-то, услышав джаз,
Я подумал о том,
Почему же наш жаз*
Кончается — и притом
Так стремительно, что
Дни скользят в решето.
Это вроде бы юность,
А вроде бы просто июнь,
Что кончается в августе
Маленьким словом
«здравствуйте».

1. Луций Анней Сенека — «О гневе» (De Ira).
2. Жаз (с казахского) — лето.

Малиновый звон

Малиновый звон после шума в переваренном осадке, где лесопосадка очерчена полосой и колючей оградкой.

В монолитных хрониках, в сердце вины миндалевых тел, звенит райский предел человеческого упадка.

Как сладко гадать на кофейной гуще и пуще услышать по капелькам свежесть таёжных пихт.

Где-то в лощине сбит, в разноголосице природных артефактов, астероид замысленных гештальтов, и в небе остроконечная звезда мерцает путнику вслед свои слова и шумерские писания.

Шумные пляски в тех местах давно переплавлены в малиновый звон у опушки. Где-то в городах взрывают хлопушки, и детвора ласкает своих питомцев, поглаживая по лапкам котёнка, не ожидая иных перемен.

Но даже в указателе местности, на картах средневековых путей, на компасе душ, что ведут на север, в прохладу и свежесть трав, где цветут анемоны и кислот брусники на кончике языка, — всё равно что детство, растаявшее, подобно ледникам.

Мелос

Вместе с прожектором
хотел отключить луну;
звнящая пустота,
недаром
ноты сыграл
мимо струн;
слеplен из глины
в мокрый асфальт,
в холодное молоко.
Тигр — Ефрат;
Вавилон,
терракотовый звон.

Выше —
Бухарский зиндан;
цепью скованный
атаман.
Контрабанда,
гашиш;
по рукам
человеческих слабостей
тёк дурман.

Пережёван,
разжижен
до «жили-были»;
мы писали в степях
письма шаху —
пощады для жизни.

Расщепляйте наш мелос;
за годы,
что был я впотьмах,
ни кола ни двора
не состряпал,
заложник ума.

Пусть летит
и искрится
над степью
слепая луна;
никому
из сосуда судьбы
в караване
не выпить до дна.

Тарабарщина глины;
и счёл ли я нужным
оставить потомство?

Вавилонская башня,
зинданы,
зигзаги —
кромешное скотство.

На прожектор луны
лаю псом беспризорным
на площадь.
Мчусь галопом
по местности,
как озверевшая
лошадь.

Прибой

Метастихопроба

Вспомни прибой, что звенел наперебой
У Аральского моря, что высохло вскоре,
Ломая солёное дно солончаком
И прерывистым свистом ветра мелодий.
Вспомни раствор — концентрат бытия;
На первичный суп разошлись
Мы в архейскую эру, чтобы в царстве скупой
Мельпомены
Мы играли в орлов или кустиком
Прятались в закулисье узоров и штор.

Вспомни лишь запах — ковыль, эвкалипт,
Что на даче растёт среди груш и тюльпанов,
Где испили мы из гранёных стаканов
Мёд поэзии, запах дождя поутру.

Вспомни зелёный пергамент,
Записки в Барсакельмесе; я писал тебе письма,
Лепил оригами в один конец.*

Барсакельмес — бывший остров в Аральском море, ныне урочище в Аральском районе Кызылординской области Казахстана. В переводе с казахского означает: «если пойдёт — не вернётся».

Пейзажи с наводнениями

Учился,
служил,
работал,
жил;
для чего —
как жидкий
металл
или гвоздь
в дверном проёме,
застрял
на потеху публике,
в метафоре,
слагая
конвейер приёмов
из слов.

Пейзажи
с наводнениями;
с облаков
иже с ними,
закурив,
прибавляя потомство
небесной гавани,
отплывая

в похмельном синдроме
звёзд,
видел антропологию
ископаемых исканий
в соцветии гнёзд,
из которых
катится яйцо Брахмы,
и следом скрипит
колесо Сансары.

Когда как
мне пел акын;
во снах —
домбры,
где в такт
играла гитара
с застывшим
во времени
ситаром.
Как гвоздь
в дверном проёме,
застрял
между «было»
и «для чего»...

И что же
с тобою стряслось?

Местами солнечно

Эпиграф:

«Будут ещё светлые дни;

Будем обедами сыты, прими

Дар, оставленный предками».

— df

Рунический орнамент (Балбал)

МЕСТАМИ СОЛНЕЧНО

В тени имперских
«просвещений»,
Среди руин
И монолитов,
В руническом орнаменте
Сиял
Балбал —
Как камень
Преткновения.

МЕСТАМИ
ГРОЗЫ:

И в тени
Советских
Тёмных лагерей
Интеллигенция
В упадке,
Как с корнем
Вырванный

Ковыль.

В тени ушедших
Перестроек:
Хрущёвок, башен,
Телебоев —
На площадь города —
Адам,
И все в тюрьме:
Кто тут, кто там.

В пыли дней тщетных,
Современных
Мы платим купчему
Монетой,
В остатке разума —
Плебей:
Лежащих схоронив,
Не бей.

И наше дело —
Дальше в землю,
Но углубляемся мы
Тщетно:
Не разомкнуть очей
Слепых,

Разорвана единства нить.

В лучах сияния рассвета
Поглотит Эрлик
В свои недра.

Курган памяти (Воск)

В годы Великого Бедствия
На поле войны и смертей
Потомки чингисхановы
В холодной степи полегли.

Был джут,
Что как в озеро канули.
Восстания предков и кровь.
И холодом сабли расплавлены,
На камне остались без слов.

Так высился холм —
Безупречен был
Ушедшего времени лоск.

В музеях хранят наши речи,
Отлитые пчёлами в воск.

Шахта лифта (Бетон и чернозём)

И город плыл
В узорах жёлтых токов;
Местами солнечно,
Местами — гром сезонов.

||

Идём, где памятник
Бетонных глыб
Сквозь город тянется,
Внушая гневный лик.

||

Камча — как долгострой
Столичных линий.
Местами: сухостой, полынь.
Фундамент вскрыли.

||

Лифт памяти
Вздымается к вершинам
Из шахты
Обескрыленных свершений.

||

И запоёт қобыз на новый лад —
Долг памяти, местами снегопад.

||

Язык — как шифр пахот чернозёма;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.